

Екатерина Викторовна Байдалова

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: kuzmukk@mail.ru

Проблема языковой идентичности в романе В. Винниченко «Хочу!» в социокультурном контексте эпохи

Роман В. К. Винниченко «Хочу!» (1915) явился, с одной стороны, литературным ответом писателя на дискуссии в украинском обществе о национальном вопросе, с другой стороны, ответом на обвинения в ренегатстве и возможном «переходе» в русскую литературу. После появления в 1907–1908 гг. драм и романов, в которых украинский писатель выдвинул идею «честности с собой» (по ней, мысли, чувства и поступки человека не должны противоречить друг другу), крайне критично воспринятую украинским обществом, его произведение проще было опубликовать в русских изданиях, чем в украинских, что и стал делать автор. Данная ситуация была расценена многими современниками Винниченко как предательство по отношению к родному языку и национальной культуре. В романе «Хочу!» проблема языковой идентичности напрямую связана с проблемой национальной идентичности. Главный герой романа, поэт Андрей Халепа, будучи этническим украинцем, в начале романа говорит, думает и пишет стихи по-русски, его личность не целостна, действия не детерминированы. После неудачной попытки самоубийства под влиянием знакомства с «осознанными» украинцами Халепа, казалось бы, обретает национальную идентичность, а вместе с ней и цель в жизни («возрождение» украинского народа и строительство предприятий свободного труда). Однако национальная идентичность в романе оказывается «неполноценной» без идентичности языковой: Халепа говорит по-украински с ошибками, он с напряжением подбирает подходящие слова и с удивлением узнает о значении некоторых из них от своих бывших русскоязычных друзей. Открытый финал романа подчеркивает иронический дискурс текста по отношению к быстрому, без борьбы и усилий, только по одному «хотению», национальному возрождению.

Ключевые слова: национальный вопрос, «честность с собой», украинская литература, русская литература, язык метрополии

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) — один из наиболее значимых украинских писателей начала XX в. Это имя было

хорошо известно широкому кругу читателей: его рассказы, пьесы, романы активно печатались и обсуждались в 1905–1916 гг. Недаром М. М. Коцюбинский, к тому времени сам уже известный украинский прозаик, в 1909 г. писал¹:

Кого у нас читают? Винниченко. О ком везде идут разговоры, как только дело касается литературы? О Винниченко. Кого покупают? Снова Винниченко².

Действительно, сейчас украинскую литературу первой трети XX в. невозможно представить без произведений этого автора, находящегося в авангарде «интенсивных поисков нового содержания и новой формы художественного творчества»³ данного периода развития национальной культуры⁴. Однако после появления в 1907–1908 гг. произведений, в которых Винниченко выдвинул принцип «честности с собой» и начал пропагандировать идеи «новой морали», взаимоотношения писателя с украинской критикой и украинским обществом обострились. Роман «Хочу!» был написан в атмосфере непростых взаимоотношений писателя и социума, неоднозначного восприятия украинской критикой новых идей писателя, вопроса «перехода» в русскую литературу. В статье исследуется взаимосвязь языковой и национальной идентичностей в тексте романа, рассматривается социокультурный контекст, в котором появилось произведение, изучается история его возникновения, анализируются проблемы языковой идентичности, являющиеся для писателя одними из центральных.

По Винниченко честен с собой человек, тогда, когда его мысли, чувства и поступки находятся не в противоречии друг с другом, а в гармонии. Часто эта теория трактуется «как индивидуалистический бунт против общественной морали, опирающийся на философские воззрения Ф. Ницше. <...> Однако при внимательном анализе драматургии, прозы, дневников и эпистолярного наследия писателя становится очевидно, что Винниченко восставал главным образом против лицемерия и фарисейства, не сомневаясь, что в основе закона жизни

¹ Здесь и далее перевод с украинского мой. — Е. Б.

² Листування М. Коцюбинського з В. Винниченком / вступ, тексти листів та прим. П. М. Федченка // Радянське літературознавство. 1988. № 2. С. 50.

³ Байдалова 2017: 188.

⁴ Подробнее о значении творчества Винниченко для развития украинской литературы см.: Байдалова 2017.

лежит нравственный императив»⁵. Новая «философия» модного литератора (и политика) оказалась непонятой и непринятой большей частью украинского общества. Многие работы Винниченко подверглись уничижительной критике, украинские издательства отказывались их печатать, в то время как русские переводы его произведений продолжали свободно выходить в свет и в целом неплохо принимались читателями и критиками. В письме к своему покровителю, известному украинскому общественному деятелю и меценату Евгению Харлампиевичу Чикаленко (1861–1929), Винниченко писал в 1908 г.:

Только из-за ругани и криков я, разумеется, не откажусь от своих взглядов. Пока что нет оснований их менять, я, наоборот, как и всякий человек, буду проводить их в жизнь. Хочу работать в той среде, которая меня воспитала, хочу высказывать свои мысли на том языке, который считаю своим родным, любимым. Этого Вы мне не хотите дать. Хорошо, если будет существовать «Дзвін»⁶ (но на это надежд мало): в нем я смогу пристроить свои «преступные» работы. Если же этого приюта не будет, то я должен идти в русскую литературу. Не подумайте, ради Бога, что я хочу напугать Вас. Нет, говорю это с печалью и болью, потому что больно, что судьба у нас такая: даже против своей воли должны работники покинуть свое родное поле. Знаю также, что меня назовут и ренегатом, и предателем, но я лучше сознательно выберу эти прозвища, чем поступлюсь моими мыслями⁷.

Как указал В.Е. Панченко, один из наиболее авторитетных исследователей жизни и творчества украинского писателя, Винниченко в письме к Максиму Горькому от 12 апреля 1909 г. сетовал: «Что печатается в русской литературе, то в украинской конфискуется и преследуется»⁸. С другой стороны, мысль «собой возвеличить украинское»⁹ была настолько важна для писателя, что, как указыва-

⁵ Байдалова 2019: 155.

⁶ «Дзвін» («Колокол») — украинский литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган украинской социал-демократической партии. Стал выходить только с января 1913 г. В нем были напечатаны диалогия Винниченко «По местам!», «Божки» и другие произведения.

⁷ Чикаленко Е., Винниченко В. Листування. 1902–1929 роки / упор. та вс. ст. Н. Миронець. Київ: Темпора, 2010. С. 68.

⁸ Цит. по: Панченко 2002а: 11.

⁹ Винниченко В. К. Щоденник. Едмонт; Нью-Йорк: Видання Канадського Інституту Українських Студій і Комісії УВАН у США для вивчення і публікації спадщини Володимира Винниченка, 1980. Т. 1. 1911–1920. С. 214.

ют украинские литературоведы, в письме к Е. Чикаленко от 27 августа 1908 г. Винниченко обратился к своему наставнику с просьбой уничтожить те его произведения, которые редакторы не намереваются печатать в русскоязычных изданиях:

Я не хочу, чтобы в украинской литературе появилось что-то мое, что не захотели бы в русской литературе. Обидно. Украинская литература не должна быть помойкой, куда можно выбрасывать все негодное¹⁰.

Писатель, разочарованный «провинциальностью» украинской критики и общества, продолжал активно печататься на русском языке, его имя появлялось в российской печати рядом с именами Л. Н. Андреева, М. Горького, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, М. П. Арцыбашева; в 1911 г. начало выходить в переводе на русский язык собрание сочинений Винниченко в девяти томах; украинский литератор даже написал по-русски романы «Честность с собой» (частично) (1911) и «На весах жизни» (1912)¹¹, положившие начало целому циклу экспериментальных произведений 1910-х годов. Романы Винниченко этого периода не все равноценны с художественной точки зрения. Они, как и многие ранние драматургические эксперименты писателя, получили неоднозначную оценку современников. По верному замечанию одного из первых диаспорных исследователей его творчества Г. А. Костюка, «у произведений Винниченко своеобразная история: ими или безоговорочно восхищались, или их также безоговорочно отрицали, ругали и даже поносили»¹². Однако в творчестве самого украинского писателя и политика данный период занимал особое место: в это время Винниченко все реже обращался к малой прозе, которая была отправной точкой его успешного вхождения в украинскую литературу в начале века, внимание писателя сосредоточилось на драматургии и крупной прозе. Жанр романа позволил автору более свободно воплотить в художественном виде его «еще находящуюся в стадии формирования идейно-философскую концепцию устройства мира и “переустройства” человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно

¹⁰ Цит. по: Ковалик, Михида 2011: 220.

¹¹ Позже Винниченко перевел их на украинский язык.

¹² Костюк 1997: 79.

связаны»¹³. С 1911 по 1917 г. Винниченко написал семь романов; затем писатель полностью посвятил себя политике и до вынужденной эмиграции в 1920-х годах не занимался художественным творчеством.

По справедливому суждению В. Е. Панченко, появление романа «Хочу!» в 1915 г. связано с многочисленными дискуссиями 1913–1914 гг. о национальном вопросе в украинском обществе¹⁴. Точку зрения, с которой солидаризировался Винниченко, высказал Л. И. Юркевич¹⁵ в журнале «Дзвін» (одним из основателей которого был Винниченко). Юркевич отметил, что, хотя русские марксисты и признают «необходимость бороться против национальных притеснений, но вместе с тем сами являются участниками этих притеснений, когда выступают против национальных форм рабочего движения подневольных народов»¹⁶. Ряд исследователей считает¹⁷, что роман «Хочу!» написан как ответ на драму Леси Украинки «Оргия» (1913), в которой поэтесса в аллегорической форме выступила с критикой тех представителей творческой элиты, которые способствуют развитию не родной национальной культуры, а культуры господствующей. Аллюзии на украинско-российскую ситуацию начала века очевидны.

Как написал в воспоминаниях муж Леси Украинки К. В. Квитка, «происхождение этой вещи имело непосредственную связь с поведением Винниченко»¹⁸. По-видимому, речь шла о намерении Винниченко, огорченного нелестными рецензиями в украинской прессе и скромными гонорарами на родине, начать писать исключительно по-русски в России, где его уже ждали контракты на издание новых драм и романов. От этого шага его предостерегал Михаил Коцюбинский:

Вы, человек идейный, который крепко связал себя с нашим народом, переходите в чужую литературу, мотивируя свой поступок тем,

¹³ Байдалова 2014: 282.

¹⁴ Панченко 2002b: 309–311.

¹⁵ Юркевич Лев Иосифович (1883–1919) — украинский политический деятель, социал-демократ, публицист, теоретик марксизма, сторонник украинской автономии.

¹⁶ Юркевич Л. Російські марксисти і український робітничий рух // Дзвін. 1913. № 7–8. С. 85.

¹⁷ См., например: Бабишкін 1963: 322–323; Панченко 2002a: 5–19; Хархун 2003.

¹⁸ Квитка К. На роковини смерті Лесі Українки // Спогади про Лесю Українку. Київ, 1963. С. 234.

что Вас “выпихивают”, а Вы не хотите сопротивляться. Со стороны я просто диву даюсь. Разве Вы пишете для критики? Разве для Вас такое большое, такое решительное значение имеет, что скажет тот или иной? Разве, в конце концов, Вы думаете, что у нас есть серьезная критика, как у людей? <...> Я уверен, что если Вы перейдете на российскую почву, то только себе во вред. Писатель (поэт, беллетрист) не может безнаказанно сменить язык: он отомстит.

Не сердитесь на меня за откровенно сказанное слово; мне кажется, что я имею право на это как человек, который, может, больше всего ценит Ваш талант и любит его, как дорогим сокровищем нашего народа¹⁹.

Возможное «ренегатство» Винниченко активно обсуждалось на страницах украинских изданий в 1910–1913 гг. Проблема для украинского общества заключалась в том, что речь шла не просто о выборе другого языка, языка соседней страны, а о выборе языка метрополии. В настоящее время, когда мы уже знаем дальнейшую судьбу Винниченко, упорно стремившегося отстаивать в годы революции право Украины на независимость и самостоятельность, написавшего в эмиграции гневное открытое письмо Горькому (1928, «*Українські вісті*», Париж)²⁰ по поводу отказа последнего одобрить издание романа «Мать» в переводе на украинский язык, который Горький называл «наречием» и т. п., эти обвинения в измене, отступничестве, активной пророссийской позиции кажутся более чем неожиданными. Однако в 1913 г. в газете «Украинская хата» (№ 11) было опубликовано вызвавшее большой общественный резонанс открытое письмо украинских студентов. В нем Винниченко назывался «русско-малороссийским писателем» и «литератором-гермафродитом» (имелась в виду его раздвоенность между русской и украинской литературами).

¹⁹ Бардаш О. Листування Михайла Коцюбинського з відомими українськими діячами наприкінці XIX — на початку XX століть // Сіверянський літопис. 2010. № 2–3. С. 226–242.

²⁰ Трещина во взаимоотношениях Горького и Винниченко четко обозначилась еще в 1909 г., когда украинский писатель выступил в газете «Рада» (№ 119, 28 мая (10 июня)) с открытым письмом к русскому писателю, содержащим обвинения в недобросовестном отношении к присылаемым рукописям. Дело в том, что первоначально Горький собирался издавать произведения Винниченко в «Знании», однако после того, как получил от украинского автора пьесу «Базар» и подверг ее в письмах резкой критике, отказался от этого намерения, чем вызвал гнев Владимира Кирилловича, выплеснутый в публичное пространство в виде открытого письма.

В дневнике после появления этого открытого письма украинский писатель с горечью написал: «Меня зовут и предателем, и русским писателем, и рабом, и еще как-то. “Шей сапоги, а своим угнетателям ничего не давай”»²¹. В письме Е. Чикаленко от 28 марта 1913 г. Винниченко добавил:

Беда мне, Евг[ений] Харл[ампиевич], с “щирими” нашими. Хочу даже по поводу этого открытого письма к обществу обратиться. Все упрекают в том, что я пишу по-русски. А я и не пишу уже ничего. Единственная вещь, которую написал, была “На весах жизни”. А с другой стороны — приходится воевать с русскими. <...> с журналами и издательствами русскими, которые во что бы то ни стало хотят оригиналы и уменьшают гонорары за переводы, даже если они авторизованные. <...> И в то же время укр[аинские] патриоты волнуются от благородного гнева на меня, что я “перехожу к русским”. Но, наверное, никто из них не спросит ни себя, ни меня, есть ли у меня что есть. <...> Да что там говорить про “рядовых”, если Леся Укр[аинка] и та, было, накинулась на меня за это. Я ей объяснил, и она поняла. Может, объяснить и другим, пусть не портят себе кровь попусту?²²

Художественным ответом стал роман «Хочу!» (1915) — одно из лучших произведений писателя, сохранившего верность родному языку. Этот роман не раз оказывался в центре исследовательских интересов украинских литературоведов²³, однако проблема языковой идентичности рассматривалась лишь косвенно. Главный герой романа с говорящей фамилией Халепя²⁴ — русский поэт среднего уровня, украинец по происхождению, разочаровавшись в жизни и не видя больше в ней смысла, в начале романа неудачно стреляется, но остается жив. После ранения под влиянием ухаживающих за ним украинца-патриота и его дочери Андрей Халепя постепенно возвращается к осознанию своей национальной принадлежности, начинает учить украинский язык, переезжает жить на Украину и пытается сочинять стихи по-украински. Несмотря на то, что в романе многие события национального «возрождения» героя изображены проникновенно, с тонким лиризмом (особенно те моменты, когда поэт слушает

²¹ Винниченко В. К. Щоденник. С. 250.

²² Чикаленко С., Винниченко В. Листування. С. 242–243.

²³ См., например: Малиш 2000; Горбань 2004; Брайко 2007; Гладир 2013; Гладир 2014 и др.

²⁴ Халепя (укр.) — беда, напасть, неприятность, передрыга.

украинские народные песни), он вполне иронично выведен типичным неофитом, планы которого, не исключено, могут быть обречены на неудачу. Финал романа открыт: начинается Первая мировая война, Халепа мобилизован в армию, вопрос о его дальнейшей судьбе остается неясен.

Украинский вопрос еще в 1910-е годы, до создания романов, нередко освещался Винниченко в ироническом ключе. Кредо писателя была оппозиционность по отношению к предыдущему, «старшему» поколению литераторов не только в художественной форме произведений, но и в их идейно-тематическом наполнении и, естественно, в национальном вопросе. Как писал современник Винниченко О. Гермайзе:

Старое украинофильство давно уже стало архаичным пережитком. На кон активного действия украинской общественной мыслью давно уже выступили новые радикальные элементы. Выдвигая туманный демократизм на народнической основе, эти элементы всю свою энергию направляют на возвышение идеи украинского национального возрождения. Однако вместе с этими радикальными элементами появляются и формируются молодые революционные элементы²⁵.

И далее:

Гринченко²⁶ и Самойленко²⁷ сатиричным бичем бичевали украинофилов, Винниченко идет дальше. Он внимательно вглядывается в окружающую украинскую жизнь и внимательным наблюдающим взглядом сатирика-художника отмечает в ней то, что до этого времени лениво воспринималось как определенное национальное достижение, как важное завоевание²⁸.

Одним из ярких примеров иронического образа «украинца-малоросса» у Винниченко был антрепренер Гаркун-Задунайский из одноименного рассказа²⁹. Имя этого персонажа стало нарицательным

²⁵ Гермайзе 1929: 7.

²⁶ Гринченко Борис Дмитриевич (1863–1910) — украинский писатель, лексикограф, один из организаторов общества «*Просвіта*», автор первого фундаментального «Словаря украинского языка» (Киев, 1907–1909).

²⁷ Самойленко Владимир Иванович (1864–1925) — украинский поэт, драматург, переводчик.

²⁸ Гермайзе 1929: 9.

²⁹ «Антрепреньор Гаркун-Задунайский» (1903).

и активно использовалось, например, Николаем Хвывелевым в ходе литературной дискуссии 1925–1926 гг. в качестве символа «малороссийства», понимаемого Хвывелевым как провинциальность, зависимость от господствующей (русской) культуры, невозможность создания полноценного национального интеллектуального и культурного продукта. Однако не менее иронично, даже сатирично изображен Недоторканный из рассказа «Уміркований» та «цирий» (1907), фанатично выступающий против «малороссов-приспособленцев» и «кацапов», мешающих Украине стать самостоятельным государством.

Проблема языковой идентичности — одна из центральных в романе «Хочу!». Главный герой в начале романа стреляется, потому что утрачивает смысл жизни, ощущает ее тщетность, ему «скудно жить», поскольку у него нет никаких стремлений и желаний. Правда, еще в предсмертном письме он вспоминает, что когда однажды в своей комнате лежал на диване как труп, то услышал, как его соседка запела украинскую народную песню:

[В]друг стало чудно-тепло в груди и грустно-грустно до слез. Со дна памяти встали забытые, заваленные мусором пережитой жизни картины отцовского хутора, солнечных, пахнущих вишневым листом дней, первой любви моей к сероокой, стыдливой Оксане и много всего другого³⁰.

Халепа пытается «пережить в памяти и чувствах “вечное возвращение” к юношеским годам, но утрата этногенетического кода — украинского языка — делает невозможным такой опыт»³¹.

До своего «национального возрождения» Андрей считает, что его соседи говорят «на каком-то чудном языке: не то хохляцком, не то польском»³², он постоянно путается в определении этого языка: например, просит старика Сосненко «разговаривать с ним по-хохляцки, то есть по-малороссийски»³³. Однако почти сразу Андрей, уже понимая, что может задеть национальные чувства Сосненко, поправляется

---

³⁰ Винниченко В.К. «Хочу!» // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Орґія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 113.

³¹ Брайко 2007: 48.

³² Винниченко В.К. «Хочу!» С. 97.

³³ Там же. С. 120.

и говорит, что ему самому будет приятно «слышать малороссийский, то есть украинский язык»³⁴.

Нравственное перерождение Халепы происходит после национального возрождения, однако последнее, в свою очередь, невозможно без изменения языковой идентичности. К этому изменению герой идет трудным, мучительным путем, о котором, однако, он не хочет, чтобы знали другие. Всех, кто его спрашивает, трудно ли ему теперь все время говорить по-украински, он уверяет, что нисколько не трудно, что ему кажется, будто он даже начинает забывать русский, но при этом Андрей с трудом подбирает слова и выражения, понимает не все, что ему говорят, неправильно ставит ударения в словах. «Отвечал он по-украински, прикладывая все усилия, чтобы не запинаться и выражаться как можно натуральнее, с таким видом, будто он никогда ни на каком другом языке не говорил»³⁵. И дальше:

Он разговаривал сегодня по-украински, а сам весь вечер напряженно следил за собой, чтобы не ошибаться и не выражать по-русски свои мысли, которые он переводил на украинский. И он же врал, делая вид, что ему легко разговаривать на “родном” языке! И они ввали, делая вид, что верят ему и даже не удивляются³⁶.

Новые украинские друзья Андрея испытывают неловкость, слушая его «напряженную украинскую речь и ошибки, которые он повторяет, не зная, что так по-украински не говорят»³⁷.

Интересно отметить, что этнические украинцы в романе практически все двуязычны: при необходимости они легко переходят на русский язык, но при этом очень ценят возможность находиться среди своих, с кем можно говорить на родном языке. Так Петр, старший сын Сосненко, выпущенный из тюрьмы умирать от туберкулеза, говорит: «А приятно все-таки, что язык во рту у тебя болтается по-своему, от одного этого уже выздороветь можно»³⁸. Этнические русские не двуязычны, для части из них (тех, кто приезжает в украинские села и города на летний отдых), нередко становится открытием то, что украинский — это самостоятельный язык и на нем могут говорить

³⁴ Винниченко В. К. «Хочу!». С. 120.

³⁵ Там же. С. 188.

³⁶ Там же. С. 200.

³⁷ Там же. С. 207.

³⁸ Там же. С. 154.

не только выходцы из народа. Один из приятелей Андрея из прошлой богемной жизни рассуждает следующим образом:

Вот вы теперь живете в Малороссии, в одном из больших городов и, возможно, бывали и в других, что вы видите? Видите, что никакого движения нет, города чисто русские, население прекрасно разговаривает по-русски, даже крестьяне. Газеты, книжки, театры, ну, все то же самое, как и по всей России. Причем здесь возрождение?³⁹

Лидия же, бывшая возлюбленная Андрея уверяет, что за два дня выучила все несложные законы украинской «мовы»:

Знаете, как у детей: нужно изменить один звук на другой, вот и все. Там, где по-русски и, “по-украински” і, где по-русски о, там... там, похоже, тоже і. Если слова начинаются на гласную, то “по-украински” нужно к этому слову добавить букву в. И тому подобные “законы”. Например, “улица” — “вулиця”, “ум” — “вум”, “ус” — “вус”⁴⁰.

Для этнических украинцев в романе выбор языковой идентичности — это всегда выбор национальной идентичности, причем это выбор не между русской и украинской идентичностями, но между русской, украинской и малороссийской идентичностями. Употребление понятия «малоросс» различается в тексте романа в зависимости от того, кто его использует: русские или украинцы. Для русских в романе не существует понятия «украинец», вместо него они используют понятие «малоросс», которое иногда заменяется на «хохол». Примечателен разговор между Андреем Халепой и его бывшими близкими знакомыми — столичной богемной молодежью. Лидия, которая ранее с сарказмом поздравляла Андрея, когда он начал писать стихи по-украински, с переходом в «инострannую» (то есть украинскую) литературу, в общем разговоре иронически заметила, что всем надо быть осторожнее в высказываниях, потому что они находятся за границей. Халепа в ответ на недоуменные возгласы поясняет, что «за границей» означает будто бы украинцы хотят отделиться от России. И далее происходит следующий диалог:

— Украинцы? Какие украинцы? Малороссы? — удивилась Катя. Андрусевич снова хотел захихикать, но сдержал себя и наклонил голову к тарелке.

³⁹ Там же. С. 261.

⁴⁰ Там же. С. 265.

— Ну, малороссы, хохлы... — усмехнулся Халепа.

— Так малороссы хотят отделиться?! Зачем? Вы не смейтесь, я ничего не понимаю⁴¹.

Однако в устах украинцев в романе «малоросс» и «украинец» имеют разное значение. Наиболее ярко значение понятия «малоросс» выражено в пылкой речи самого главного энтузиаста «украинской идеи», украинца-патриота, направившего Андрея «на путь истинный» — старшего Сосненко: «Знаете, что такое малоросс? Нет? Паршивец, просто говоря ни то ни се. Он, видите, по происхождению себе — украинец, по воспитанию — русский, по убеждениям — невежда во всем, что касается родного народа, по нраву — трус, себялюб, раб. Вот это малоросс»⁴². Не отстает в негативной характеристике «малороссов» старшая дочь Сосненко Олена. Когда Халепа говорит ей, что он по происхождению не русский, а малоросс, она отвечает: «Ну, это почти то же самое! <...> Даже еще хуже»⁴³. То есть малороссом в романе оказывается человек, изменивший своей национальной украинской идентичности и родному украинскому языку. Так, в романе зять Сосненко, учитель Тимофей Николаевич Чупрун, получивший должность от Министерства народного просвещения, украинец по происхождению, представлен ренегатом, поскольку у себя дома разговаривает с коллегами-учителями по-русски, а потом и с домашними переходит на русский язык. В то время как увлеченные Сосненко-старшим национальным вопросом «уважаемые главы семей, чиновники», «что стоят одной ногой в могиле, начинают, как дети, учиться украинскому языку, писать диктанты, читать брошюрки и свирепеть от одного косога взгляда на украинский вопрос»⁴⁴.

Таким образом, национальная, в данном случае украинская, идентичность в романе оказывается «неполноценной» без языковой идентичности, путь к которой для главного героя романа «Хочу!» оказывается сложно преодолимым и невозможным лишь по одному «хотению», без борьбы и усилий.

Вскоре после завершения работы над романом Винниченко написал в дневнике: «Где мне его напечатать? По-русски еще найдется, а по-украински? Вечная история!» И дальше вполне пророчески

⁴¹ Винниченко В. К. «Хочу!». С. 260.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Там же. С. 145.

⁴⁴ Там же. С. 172.

добавил⁴⁵: «Слишком рано я родился, мне лет на сто надо бы позже, тогда было бы место в украинской прессе для того, что я могу написать!»⁴⁶ В 1916 г. писатель все-таки издал роман, однако тот не привлек широкого внимания как читающей публики, так и литературных критиков: в разгаре была Первая мировая война, приближались революционные годы, так что украинское общество волновали совсем другие проблемы и вопросы.

Литература

- Бабишкін 1963 — *Бабишкін О.* Драматургія Лесі Українки. Київ: Вид-во образотв. мистецтва, 1963. 405 с.
- Байдалова 2014 — *Байдалова Е. В.* Политика и поэтика, или О роли сюжетных мотивов в романах В. К. Винниченко 1910-х гг. («По местам!», «Божки», «Хочу!») // Славянский альманах 2013. М.: Индрик, 2014. С. 281–290.
- Байдалова 2017 — *Байдалова Е. В.* Раннее творчество Владимира Винниченко и борьба поколений в украинской литературе начала XX века // Преамбуленность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 188–198.
- Байдалова 2019 — *Байдалова Е. В.* «Огонь этот есть воля»: моральный императив в прозе В. К. Винниченко // Категории *воля* и *принуждение* в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 150–163. DOI: 10.31168/2658-5758.2019.8 (Категории и механизмы славянской культуры).
- Брайко 2007 — *Брайко О.* «Хочу!» В. Винниченка і «Санін» М. Арцибашева: порівняльно-типологічне зіставлення // Слово і час. 2007. № 10. С. 46–58.
- Гермайзе 1929 — *Гермайзе О.* Рання творчість Винниченка на тлі громадського життя // *Винниченко В.* Вибрані твори. Київ: Книгоспілка. 1929. С. 3–19.
- Гладир 2013 — *Гладир Я. С.* Внутрішні конфлікти «героя» роману В. Винниченка «Хочу!» // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2013. № 4 (263). Ч. II. С. 137–147.

⁴⁵ Возможно, эта мысль у Винниченко созрела под влиянием обращенных к нему слов в одном из писем Чикаленко: «Ко всему прочему Вы родились раньше, чем Вам было бы надо. Вам нужно было появиться в укр[аинском] обществе тогда, когда оно могло бы оплатить Ваш труд так, как рос[сийское] оплачивает, чтобы Вы могли иметь свою собственную дачу, и проч[ее]. Но это все — если бы! А что же делать сейчас?». См.: Чикаленко Е., Винниченко В. Листування. С. 100.

⁴⁶ *Винниченко В. К.* Щоденник. С. 177.

- Гладир 2014 — *Гладир Я. С.* «Ланцюжковий» зв'язок «системних» конфліктів в романі В. Винниченка «Хочу!» // *Science and Education of New Dimension: Philology*. 2014. Vol. II (1). Iss. 17. P. 25–28.
- Горбань 2004 — *Горбань А.* Роман В. Винниченка «Хочу!» у дзеркалі «псевдолюбовних» колізій // *Слово і час*. 2004. № 2. С. 13–19.
- Ковалик, Михида 2011 — *Ковалик М. О., Михида С. П.* Особливості еволюції драматургічної поетики Володимира Винниченка (п'єси «Дорогу красі» і «Брехня») // *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 2. С. 219–226.
- Костюк 1997 — *Костюк Г.* Деякі проблеми наукового вивчення В. Винниченка // *Сучасність*. 1997. № 11. С. 78–87.
- Малиш 2000 — *Малиш О.* Проблема національного самовизначення і свободи волі у романі В. Винниченка «Хочу!» // *Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. Ужгород: Поличка «Карпатського краю»*, 2000. Вип. 3. С. 316–326.
- Панченко 2002а — *Панченко В.* «Я не буду загрожувати переходом в чужу літературу...» (Загадка генези драматичної поеми Лесі Українки «Оргія») // *Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 5–21.*
- Панченко 2002б — *Панченко В.* «Занадто я рано родився...» (Роман В. Винниченка «Хочу!» на тлі «Відродження нації») // *Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 309–318.*
- Панченко 2004 — *Панченко В.* Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Книга розвідок та мандрівок. Київ: Твім інтер, 2004. 288 с.
- Хархун 2003 — *Хархун В.* «Задзеркалля» модерністської літератури, або Текстуальний діалог Лесі Українки з Володимиром Винниченком // *Слово і час*. 2003. № 5. С. 85–87.

References

- Babishkin, O., 1963. *Dramaturgia Lesi Ukraïнки* [Dramaturgy of Lesia Ukrajinka]. Kyiv: Vid-vo obrazotv. mistectva, 405 p.
- Baydalova, E. V., 2014. Politika i poetika, ili O roli suizhetnykh motivov v romnakh V. K. Vynnychenko 1910-kh gg. (“Po mestam!”, “Bozhki”, “Khochu!”) [Politics and poetics, or About the role of narrative motives in the novels of V. K. Vynnychenko 1910 years (*To Places!*, *The Idols* and *I want!*)]. In: *Slavic almanac 2013*. Moscow: Indrik, pp. 281–290.
- Baydalova, E. V., 2017. Rannee tvorchestvo Vladimira Vinnichenko i bor'ba pokolenii v ukrainskoi literature nachala XX veka [The early works by Volodymyr

- Vynnychenko and the generation struggle in Ukrainian literature in the early twentieth century] In: Adelgeim, I. E., ed. *Preemstvoenost' kak faktor literaturnogo protsessa. Opyt tsentral'no i lugo-Vostochnoi Evropy (po materialam I Khorevskikh chtenii)* [Continuity as a factor of the literary process. Experience of Central and South-Eastern Europe (Proceedings of the Ist Khorev Readings)]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, pp. 188–198.
- Baydalova, E. V., 2019. “Ogon' etot jest' volia”: moral'nyi imperativ v proze V. K. Vynnychenko [“This fire is the volition”: the moral imperative in the novels by V. K. Vynnychenko] In: Zlydneva, N. V., ed. *Kategorii volia i prinuzhdenie v slavianskikh kul'turakh* [The categories of volition and force in Slavic cultures]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, pp. 150–163. DOI: 10.31168/2658-5758.2019.8.
- Brajko, O., 2007. “Khochu!” V. Vynnychenka i “Sanin” M. Artsybasheva: porivn'al'no-typologichne zistavlen'n'a [I want! by V. Vynnychenko and Sanin by M. Artsybashev: a typological comparison]. *Slovo i chas*, 10, pp. 46–58.
- Germaize, O., 1929. Rannya tvorchist Vyynnychenka na tli gromadskogo zhuttya [Early works by Vynnychenko in the field of social life]. In: Vynnychenko, V. *Vibrani tvori*. Kyiv: Knigospilka, pp. 3–19.
- Gladir, Ia.S., 2013. Vnutrishni konflikty “heroia” romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [Inner conflicts of the “hero” of the V. Vynnychenko's novel I want!]. *Visnyk LNU imeni Tarasa Shevchenka*, 4 (263), II, pp. 137–147.
- Gladir, Ia.S., 2014. “Lantsiuzhkovyi” zv'iazok “systemnykh” konfliktiv v romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [The “chain” connection of “systemic” conflicts in V. Vynnychenko's novel I want!]. *Science and Education of New Dimension: Phylology*, II (1), 17, pp. 25–28.
- Gorban', A., 2004. Roman V. Vynnychenko “Khochu!” u dzerkali “psevdomilobovnykh” kolizii [V. Vynnychenko's novel I want! in the mirror of pseudo-love collisions]. *Slovo i chas*, 2, pp. 13–19.
- Kharkhun, V., 2003. “Zadzerkallia” modernists'koï literatury, abo Tekstual'nyi dialoh Lesi Ukraïny z Volodymyrom Vynnychenkom [The “through-the-looking-glass” of modernist literature, or Lesia Ukrainka's textual dialogue with Volodymyr Vynnychenko]. *Slovo i chas*, 5, pp. 85–87.
- Kostuk, G., 1997. Deiaki problemy naukovooho vyvchennia V. Vynnychenka [Some problems research of V. Vynnychenko]. *Suchasnist'*, 11, pp. 78–87.
- Kovalyk, M. O., Michida S. P., 2011. Osoblyvosti evoluciji dramaturgichnoji poetiki Volodymyra Vynnychenko (piesy “Dorogu krasi” i “Brehnya”) [The specificity of the evolution of Volodymyr Vynnychenko's dramaturgic poetics (the plays *The Way to the Beauty* and *The Lie*)]. *Uçeni zapiski Tavrijs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.I. Vernads'kogo. Seria “Filologia. Social'ni komunikacii”*, 24 (63), 1/2, pp. 219–226.
- Malysh, O., 2000. Problema natsional'noho samovyznachennia i svobody voli u romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [The problem of national identity and

- freedom of will in Vynnychenko's novel *I want!*. In: *Suchasni problemy movoznavstva ta literaturoznavstva: Zbirnyk naukovykh prats'*. Uzhhorod: "Polichka «Karpats'kogo kraiu»", 3, pp. 316–326.
- Panchenko, V., 2002a. "Ja ne budu zahroyhuvaty perekhodom v chuzhu literaturu..." (Zahadka genezy dramatychnoi poemy Lesi Ukraïny «Orhiia») ["I will not threaten to pass in foreign literature" (The mystery of the genesis of Lesya Ukrainka's dramatic poem "The Orgy")]. In: Panchenko, V., ed. *Dzerkalo. Dramatychna poema Lesi Ukraïny "Orhiia" i roman Volodymyra Vynnychenka "Khochu!"* [The mirror. The dramatical poem by Lesia Ukrajinka *The Orgy* and the novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!*]. Kyïv: Fakt, pp. 5–21.
- Panchenko, V., 2002b. "Zanadto ja rano rodyvsya..." (Roman V. Vynnychenka "Hochu!" na tli "Vidrozhennya naciji") ["I was born too early..." (The novel by V. Vynnychenko *I want!* on the background of "The revival of nation")]. In: Panchenko, V., ed. *Dzerkalo. Dramatychna poema Lesi Ukraïny "Orhiia" i roman Volodymyra Vynnychenka "Khochu!"* [The mirror. The dramatical poem by Lesia Ukrajinka *The Orgy* and the novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!*]. Kyïv: Fakt, pp. 309–318.
- Panchenko, V., 2004. *Volodymyr Vynnychenko: paradoksy doli i tvorchosti. Knyha rozvidok ta mandrivok* [Volodymyr Vynnychenko: paradoxes of the fate and creativity. The book of investigations and travellings]. Kyïv: Tvim inter, 288 p.

Ekaterina V. Baydalova

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334; Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kuzmukk@mail.ru

The problem of language identity in Volodymyr Vynnychenko's novel *I want!* in contemporary sociocultural context

The novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!* (1915) was, on one hand, his literary answer to the discussion on the national question in Ukrainian society, and, on the other, it was his reaction to the accusations of him being a renegade resulting from his shift towards Russian literature. In 1907–1908, after the publication of his dramas and novels which were impregnated with the idea of “being honest with oneself” (it implied that all thoughts, feelings, and acts were to be in harmony), his works could be more easily published in Russian than in Ukrainian. This situation was taken by his compatriots as a betrayal against his native language and the national cause. In the novel *I want!* the problem of language identity is directly linked with national identity. In the beginning of the novel the main character, poet Andrey Halepa, despite being ethnic Ukrainian, spoke, thought, and wrote poems in Russian, and consequently his personality was ruined and his actions lacked motivation. It seems that after his unsuccessful suicide attempt and under the influence of a “conscious” Ukrainian, Halepa got in touch with his national identity and developed a life goal (the “revival” of the Ukrainian nation and the building of a free-labour enterprise). However, in the novel, national identity turns out to be incomplete without language identity. Halepa spoke Ukrainian with mistakes, had difficulty choosing suitable words, and discovered with surprise the meaning of some Ukrainian words from his former Russian friends. The open finale emphasises the irony of the discourse around a fast national “revival” without struggle and effort, and which only required someone’s will.

Keywords: national question, “being honest with oneself”, Ukrainian literature, Russian literature, national identity